

своему жизненному укладу, возрасту, образованию, интересам, профессиям. Во взаимоотношениях с ними миссионер обязан помнить, что он — не пропагандист и не агитатор, а соратник Духа Святого, благовестник Слова Божия [1, Кор. 3, 9].

Благодаря Бога за благодатную возможность осуществлять миссионерскую деятельность в современных условиях, православный миссионер должен всегда иметь в своем сердце апостольские слова: «Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» [1, Кор. 13, 2].

Список цитируемых источников

1. Библия. — Минск, 1990. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. — М. : Изд. Моск. Патриархии, 1988. — 1376 с.

УДК 316.74:2

Ю. А. Вабищевич, А. И. Капуста, А. Г. Иценко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На разных этапах истории религия занимала разные позиции в жизни общества и личности. В Европе, западном мире в целом и других цивилизациях статус религии был неодинаков, однако имелись определенные тенденции. Премодерные общества (опять же, на примере западной цивилизации), отличавшиеся традиционностью уклада своей жизни, придавали абсолютное значение религии, она находилась в основе структуры этих обществ, подчиняла себе индивида, как и он подчинялся её установкам и стереотипам. С приходом современных обществ религия начинает отходить на вторые планы общественной жизни, переносится в личностную плоскость (так называемая «приватизация религии»), при этом полностью не уходит из жизни конкретного индивида, но её проявления сужаются, государства-нации все больше фиксируют свою секулярность, светскость. Начиная с проекта Просвещения ставилась задача элиминации религии из общественного пространства путем всё большего повышения образованности индивидуума и общества в целом. Однако после всех потрясений XX в., которые постигли человечество, просвещенческий проект эмансипации социума от религии (с его сциентизмом, атеизацией, антиклерикализмом и другими элементами) претерпевает крах, религии опять проникают в общественное пространство, что фиксируется разными социальными философами, социологами, религиоведами [1]. Х. Казанова называет этот феномен «деприватизацией религии» [2], Ю. Хабермас — «постсекулярным состоянием общества» [3], П. Бергер — «десекуляризацией» [4] и т. п.

В Республике Беларусь, начиная с конца 1980-х — начала 1990-х гг., исследователи фиксируют факт «религиозного возрождения», выражающегося, прежде всего, в стремительном горизонтальном расширении религиозного ареала в стране, структурным уплотнением традиционных религиозных организаций, появлением новых религиозных движений и т. д. В этой связи небезынтересной для представителей религиоведения является попытка изучения уровней и форм религиозности как на республиканском уровне, так и на региональном, в данном случае на примере студенческой молодежи БарГУ.

Существует огромное количество дефиниций религиозности в зависимости от специфики изучаемого среза данного феномена: социологи, философы, психологи, феноменологи религии по-разному будут операционализировать данную категорию. Поскольку мы не ставим себе цели анализа определений понятия религиозности, то дадим некое рабочее его определение, ставшее классическим в русскоязычном религиоведческом пространстве (в англоязычном дискурсе употребляются термины “religiousness”, “religiosity”, “religion”), данное проф. И. Яблоковым. Итак, под религиозностью понимается «качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений. Общим признаком, критерием религиозного сознания является вера, которая включает знание и принятие в качестве истинных идей, представлений, понятий, повествований и уверенность в существовании гипостазированных существ, атрибутизированных свойств и связей» [5, с. 443]. Схожим по значению является категория религиозной идентичности, понимаемая как «осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [6, с. 1059].

Как справедливо указывает французский религиовед Мишель Малерб, религиозность — слишком сложный духовный феномен в структуре мировоззрения человеческой личности и общества для того, чтобы пытаться уловить его сущность посредством количественных методов и подходов. «Нет ничего более ненадежного, — отмечает религиовед, — чем пытаться привести какие-то цифры в области религии, так как она по своей природе является личным делом каждого...». В итоге учёный приходит к не совсем оптимистическому

выводу: «В таких условиях было бы более научным отказаться от попыток сделать количественные оценки, а что касается качественной оценки, то это дело Бога, если, конечно, этот вопрос Его интересует» [7, с. 47—48].

Однако ситуация не настолько безнадежна, как кажется со стороны, религиоведческая наука продвигается вперед (особенно в данном контексте такие её направления, как социология, антропология, психология религии), осуществляются попытки (достаточно удачные) количественного и качественного измерения и фиксации религиозности как на социальном, так и на лично-мировоззренческом уровне. Существуют шкалы религиозной ориентации П. Хилла, Г. Олпорта и Д. Росса, К. Гирца, Д. Фолкнер и Г. Де Йонга [8], с помощью которых выявляются уровни и степени религиозности как индивидуума, так и конкретных социальных групп, обществ в целом.

Что касается некоторых общих количественных показателей белорусского общества, то статистические замеры дают следующие данные. При том, что Беларусь в своих законодательных актах фиксирует поликонфессиональность, все же фактическое положение дел позволяет говорить о том, что в религиозном поле страны доминирует христианская религиозная традиция, представленная всеми тремя её ветками: православием, католицизмом (в римо- и греко-католической формах) и протестантскими деноминациями.

Опираясь на официальные данные (Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, сайт Уполномоченного по делам религий и национальностей) [9], можно проанализировать конфессиональное поле республики как в процентном соотношении, так и структурно, на институциональном уровне (по количеству общин). Итак, население Беларуси фиксирует свою религиозность на конфессиональном уровне с достаточно высоким процентом — 95 % причисляют себя к той или иной конфессии: православной — 84 %, католической — 8,5 %, другим (в том числе и традиционным для Беларуси протестантизму, иудаизму, исламу) — 2,5 %. При этом свою веру в Бога задекларировали 64 % опрошенных, 24 % не смогли определиться с предметом веры, а о своем неверии засвидетельствовали 8 % респондентов. 26 % обозначивших себя как «православные» не уверены в своей вере, не могут точно сказать, верующие ли они (среди католиков — 10 %). Касательно включенности в религиозные практики, то в культово-праздничный круг включены 67 % респондентов, религиозно активных опрошенных лишь — 8 %, систематически участвующих в богослужениях — 5 %, регулярно принимающих предписанные конфессиями таинства и обряды — 3 %. Структурно в Беларуси зарегистрировано 3 315 общин (всех фактически существующих 3 488), из которых: Православная церковь — 1 643 прихода, Римо-католическая насчитывает 491 общину, всех протестантских общин (14 направлений) — 1 057. Также из традиционных религий: 52 иудейские и 25 мусульманских общин. В целом исследователи отмечают номинальность религиозности белорусов, индифферентность и инертность их участия в культовой жизни.

Авторитетные белорусские религиоведы, занимающиеся на данный момент изучением религиозности в республике, фиксируют, что в своих исследованиях они исходят из широкой, двухаспектной трактовки феномена религии, включающей в себя «религиозный опыт (внутренний, латентный аспект) и систему артикуляции и передачи содержания опыта (внешний, измеряемый аспект). Опыт (внутренний аспект) определяется в узком и широком смыслах. В узком смысле он трактуется как состояние, при котором человек обнаруживает себя пребывающим в живом и непосредственном единстве с трансцендентным; в широком — как всякий акт участия человека в жизни религиозного сообщества...». Предметом религиозного опыта указанные авторы фиксируют «трансцендентное», которое определяют как «идею самодостаточной и самодействующей реальности, внеположной имманентному (повседневному) миру по сути, но проявляющуюся в нем через действия, символизируемые как силы, духи, демоны, боги, Бог, мировая душа и т. д.». Исходя из этого, их трактовка религиозности: «сочетание степеней вовлеченности в каждое из указанных измерений религии». Выделяются следующие измерения: «определенность религиозной позиции; степень религиозной активности; уровень интегрированности в сообщество» [10, с. 53]. Как видим, ситуация с религиоведческим описанием уровней религиозности, как сложнофиксируемого феномена, не так безнадежна, и какие-то аспекты и отдельные срезы религиозного опыта все-таки можно дескриптивно зафиксировать с сохранением релевантности.

В нашем пилотажном исследовании, которое, конечно же, не может быть исчерпывающим (даже в рамках указанного сегмента молодежи, ограниченного конкретным учреждением образования) и не претендует на всеобъемлющее схватывание уровня религиозности, данные, полученные на выходе, представлены исключительно материалом выборки студентов-белорусов БарГУ. В выборку не попали иностранные студенты, представленные в основной своей массе выходцами из Туркменистана (традиционно считающийся исламским) и декларирующие/самоидентифицирующие свою религиозность как мусульманскую. В перспективе предполагается расширить базу исследования религиозности студентов университета (в идеале) до систематического мониторинга динамики религиозности и выявления её типологии.

Целью исследования было не столько определение всех уровней и срезов религиозности, сколько выявление определенных тенденций в особенностях религиозности студенческой молодежи БарГУ. Информация была собрана методом анкетного опроса. Выборочная совокупность была рассчитана из следующего расчета: доверительная вероятность — 85 %; доверительный интервал — погрешность $\pm 6\%$ при генеральной совокупности респондентов (по количеству студентов дневной формы обучения) — 2 035. Таким образом, размер выборки составил 137 респондентов. В силу ряда определенных обстоятельств авторы не смогли выдержать гендерную паритетность респондентов (среди опрошенных — 114 девушек и всего 23 юноши, что также оставляет пространство лакун релевантности, поскольку исследователи отмечают, что в Беларуси среди религиозных людей преобладают женщины), исходя из чего выводы не предполагают и соответствующую разбивку по гендеру.

Касательно магистральных измерений религиозности, поскольку в исследовательских религиоведческих кругах не выработан консенсус, мы будем отталкиваться от фиксации общепринятых осей: религиозная вера, практики (ритуал, культ) и знания [11]. Исходя из этого, был разработан авторский опросник на основе опросников известной социологической службы «Левада-Центр» [12], состоящий из 12 вопросов: 10 закрытых (с альтернативным и многовариантным выбором) и 2 открытых, направленных на раскрытие вышеобозначенных измерений религиозности и достижение заявленной цели.

Из 137 опрошенных студентов на вопрос о религиозной самоидентификации («Являетесь ли вы религиозным человеком?») положительно ответили 87 (64,2 %), отрицательно — 49 (35,7 %). Таким образом, по факту ответов можно предположить, что религиозных студентов в учебном заведении большинство, хотя оно и не абсолютное.

Для исследования, насколько в сознании респондентов факт признания своей религиозности связан с верой в существование высших существ (Бога/богов), был сформулирован соответствующий вопрос с возможностью поливариантных ответов (таблица 1).

Таблица 1 — Уверены ли Вы в существовании Бога/богов?

Варианты ответов	Количество опрошенных (%)
Скорее да	57 (41,6)
Уверен	33 (24,1)
Скорее нет	24 (17,5)
Не уверен	23 (16,7)

Для конкретизации религиозной идентичности респондентам был задан уточняющий вопрос «К какой религии Вы себя относите?» (среди вариантов были предложены мировые религии и вариант «другое»). Характерной чертой стало то, что большинство опрошенных, как и предполагалось, относят себя к христианству (106 человек, 77,4 %). Отсюда возникает вопрос, как процент респондентов, считающих себя религиозными равен 64,2 %, а респондентов только христиан — 77,4 %? Однако, как мы предполагаем, здесь может и не быть внутреннего противоречия, поскольку в первом вопросе, опрашиваемые под религиозностью могли понимать не только сам факт, но и уровень религиозности, выраженный, например, в участии в культе, следовании религиозным традициям, нравственным нормам и т.д. Среди тех, кто зафиксировал свое христианство, православными назвали себя 79 человек (74,5 % от христиан), католиками — 14 опрошенных (13,2 %), протестантами — 5 человек (4,7 %), неконфессиональное христианство задекларировали 8 чел. (7,5 %).

Из опрошенных зафиксировали себя: 1 человек — буддизм, неопределившимися считают себя 6 человек, под графой «другое» поставили свое согласие 12 человек, прямо задекларировали атеизм 12 чел. (8,7 % от всех опрошенных).

С появлением такого феномена современности, как «внеконфессиональный верующий» (на интернет-сленге эту самоидентификацию еще называют «Бог-в-душе»), авторам стало небезынтересным попробовать выявить тенденции тяготения и к этому явлению. Был сформулирован вопрос «К одному ли Богу ведут все религии?», ответы на который распределились следующим образом: 77 человек ответили на вопрос утвердительно, 60 — отрицательно (интересно было бы проанализировать мотивацию подобных ответов). Исходя из ответов на данный вопрос, как нам представляется, также можно судить и об уровне осознанности конфессиональной исключительности респондента.

Опрашиваемые показали и достаточный уровень межконфессиональной терпимости. На вопрос об отношении к другим религиям варианты «скорее положительно» и «вполне положительно» выбрали 35,7 % респондентов, «нейтрально/безразлично» — 64,2 %.

Для 34,3 % опрошенных религия играет очень важную и достаточно важную роль, для 41,6 % — не слишком важную, а не играет никакой роли религия для 23,3 % респондентов. Характерно, что для большинства опрошенных (71,5 %) допустимо изучение религиоведческих дисциплин в общеобразовательной школе в форме истории религии или религиозной нравственности, против присутствия таковых в светской школе — 13,8 % (на данный момент этот вопрос авторами изучается более детально на примере социологических замеров в школах города (среди учительского контингента) и среди студентов БарГУ).

Касательно измерения уровня погруженности религиозной личности в конфессиональное культоволитургическое пространство, были поставлены два вопроса: о частоте посещения богослужений (данные отображены в таблице 2) и участии в религиозных практиках (на примере поста) (таблица 3).

Как видим, по первому и по второму критерию уровень культовой инклюзивности достаточно низок. Исходя из того, что большинство респондентов зафиксировали свою принадлежность к православной конфессиональной традиции, отметим несколько важных моментов. С точки зрения православной канонической традиции (так называемой акривии) член православной общины, который без основательных на то причин пропустил три воскресных литургии (главное богослужение в православии), он может быть

исключён («удален от общения», «отлучен от общения») из общины (80-е правило Трулльского собора). То же и касательно отношения к посту как элементу духовно-аскетической практики по церковным канонам (например, 69-е апостольское правило): не придерживающийся поста в великий пост в среду и пятницу отлучается от общины. Другое дело, что на данный момент практически эти и многие другие правила не применяются, но церковно-юридически они никем не отменены.

Таблица 2 — Посещаете ли Вы религиозные службы (если да, то как часто)?

Варианты ответов	Количество опрошенных (%)
Раз в неделю (норма для христианства)	9 (6,5)
Раз в месяц	30 (21,8)
Раз в году	54 (39,4)
Никогда	45 (32,8)

Таблица 3 — Собираетесь ли Вы поститься во время Великого поста?

Варианты ответов	Количество опрошенных (%)
Сохраню обычный режим питания	117 (85,4)
Собираюсь частично поститься (отказаться от мяса, спиртного)	21 (15,3)
Собираюсь соблюдать полный пост	0 (0)

В части анализа области религиозных знаний (входящих в структуру религии/религиозности) были сформулированы несколько вопросов. На вопрос о частоте молитвы, как необходимой каждодневной духовной практике носителя христианского мировоззрения любого из трёх направлений, максимально приближенным ответом к нормативному можно считать позицию одного из авторитетнейших христианских писателей апостола Павла о непрестанной молитве (1 Фес. 5: 14-23). Так, отметили вариант непрестанной молитвы 10 человек (7,3 %), а графу «не знаю» обозначили почти в три раза больше респондентов — 27 человек (19,7 %). Отвечая на вопрос «Какие главные заповеди в христианстве, сколько их?», в основном респонденты вспоминали Декалог Моисеев (хоть и воспринят в переработанном варианте христианской традицией, все же не является «главным» сводом заповедей) — 67,1 %. Показательно, что 9 «заповедей блаженства» (Мф. 5: 3-12 и Лк. 6: 20-23) не упомянул ни один респондент. Известные две евангельские заповеди (любовь к Богу и любовь к ближнему — Мф. 22:37-40), которые ближе всего по значению к конструкту «главные заповеди», цифровым обозначением, полной или частичной их фиксации отображали меньшинство опрошенных — 8 человек, что составляет 5,8 % от всех опрошенных.

Таким образом, исходя из вышеизложенных тезисов и опираясь на обозначенное пилотное исследование, можно сделать вывод, что в целом данные сходны с ситуацией по республике. При присутствии в религиозном поле студенческой молодежи БарГУ разных конфессиональных направлений (в основном в рамках христианской религиозной традиции) преобладающей является православие. Однако если на уровне самоидентификации имеет место превалирование православия, степень религиозности в топике указанного этоса достаточно поверхностна, респонденты показывают довольно низкий уровень религиозных знаний, несистемную и невысокую включенность в культовую конфессиональную жизнь, что говорит об относительно высокой степени номинальной религиозности студенческой молодежи университета. При этом повторимся, что исследование носило пилотный характер, поэтому как данные, так и их интерпретация носит достаточно приблизительный характер и отражает лишь определенные тенденции в области особенностей проявления религиозности в данном сегменте.

Список цитируемых источников

1. Узланер, Д. А. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности / Д. А. Узланер // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 1. — С. 8—32.
2. Casanova, J. Secularisation, Religion, and Multicultural Citizenship [Electronic resource] / J. Casanova. — Mode of access: <https://berkeleycenter.georgetown.edu/publications/secularisation-religion-and-multicultural-citizenship>. — Date of access: 20.02.2014.
3. Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (Папа Римский Бенедикт XVI). — М.: БИ св. ап. Андрея, 2006. — 112 с.
4. Карпов, В. Концептуальные основы теории десекуляризации / В. Карпов // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 1 (30). — С. 114—164.
5. Яблоков, И. Н. Религиоведение: учеб. пособие и учеб. сл.-минимум по религиоведению / И. Н. Яблоков. — М.: Гардарики, 2000. — 536 с.
6. Забияко, А. П. Религиозная идентичность / А. П. Забияко // Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. — М.: Академ. Проект: Гаудеамус, 2008. — С. 1059—1061.
7. Малерб, М. Религии человечества / М. Малерб. — М.; СПб.: Рудомино: Унив. кн., 1997. — 600 с.

8. Фолкнер, Д. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ / Д. Фолкнер, Г. Де Йонг ; пер. с англ. В. И. Хоменко // Социолог. исслед. — 2011. — № 12. — С. 69—77.
9. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2016 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; под общ. ред. А.П. Дербина. — Минск, 2017. — 208 с.
10. Карасева, С. Г. Значимость религии в белорусском обществе: оценка верующих / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2018. — № 2. — С. 49—70.
11. Пруцкова, Е. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях / Е. Пруцкова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 2 (30). — С. 268—293.
12. Религия // Общественное мнение-2016 : ежегодник / сост. Н. А. Зоркая. — М. : Левада-Центр, 2017. — С. 160—168.

УДК 343:364.63-027.553

В. И. Войтехович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ

Семья — это одна из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю его существования. В ее позитивном развитии, сохранении и упрочении заинтересовано общество и государство; в крепкой, надежной семье нуждается каждый человек независимо от возраста. Однако вне общества, вне государства нет и семьи. Она является своеобразным зеркальным отражением общества.

Проблемой, разрушающей семью изнутри, являются конфликты и совершаемое на их почве насилие.

Насилие над личностью — это всегда тяжёлое испытание, особенно если оно исходит со стороны близкого человека.

Исторически насильственным актам в отношении членов семьи и близких давалась различная правовая оценка — от полного оправдания виновных за отдельные виды насилия до признания данных преступлений наиболее тяжкими из всех существующих. Женщины и дети длительное время считались собственностью главы семейства, которому было позволено применять физические меры воздействия даже без какой-либо провинности. В правовых источниках Древней Руси, древнеримском и англосаксонском праве родители имели почти исключительные права над детьми: разрешалось физическое наказание и даже убийство за непослушание и дерзость [1].

В настоящее время складывается особый образ жизни, при котором насилие, алкоголизм, наркомания становятся нормой поведения, передающейся от одного поколения к другому.

Насилие — нарушение прав человека на неприкосновенность тела и личности. О домашнем насилии говорят тогда, когда имеет место факт постоянных унижений, оскорблений, применения физической силы по отношению к партнеру либо к другому члену семьи. Домашнее насилие выступает скрытой проблемой для многих людей [2].

«Насилие в семье — умышленные действия физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания». «Домашнее насилие — все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту, или между бывшими, или нынешними супругами, или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва» [3].

Нередко «бытовые» конфликты происходят и в семьях, считающихся добропорядочными, где порой совершается «тихое» насилие. Граждане, в отношении которых оно осуществляется, не решаются обратиться за помощью, боясь испортить репутацию семьи или лишиться средств к существованию. Женщина, как правило, терпит все проявления агрессии со стороны мужа, так как в большинстве случаев он содержит семью.

Выявление таких фактов зачастую осложняется желанием женщины создать мнимое благополучие, не сообщать об имеющихся проблемах своим знакомым, родственникам и близким.

Но и сами женщины могут проявлять открытую агрессивность или подавлять ее в себе до тех пор, пока не наступит ситуация «последней капли». Отсюда — убийства женщинами своих мужей на бытовой почве, иногда без видимой всем причины.

Необходимо отметить также, что жестокое обращение с детьми наносит не только вред физическому и психическому здоровью ребенка или подростка, но и имеет тяжелые социальные последствия, главное из которых — воспроизводство самой жестокости. Те, кого в детстве били и оскорбляли, вырастая, сами решают свои семейные проблемы точно так же. И если не пытаться остановить насилие, то оно будет переходить из поколения в поколение. Испытываемое в любом возрасте насилие имеет два последствия: слабая личность подавляется, а у сильной возникает протест, который часто выражается в противоправном поведении. Это способствует росту преступности и насилия в подростковой среде.

Жестокое обращение с ребенком является прямым нарушением законов — Конвенции ООН о правах ребенка и Закона Республики Беларусь «О правах ребенка». Кроме того, насилие над детьми — уголовно наказуемое деяние. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) имеется ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за тот или иной вид насилия в отношении детей и подростков: ст. 154 (истязание), ст. 172 (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), ст. 173